

ЯПОНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Исследование выполнено в Национальном исследовательском Институте мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН по гранту Российского научного фонда (проект № 14-28-00097).

Активизация «курильской проблемы» между Россией и Японией в конце 2018 г. вновь обострила полемику о необходимости выстраивания Россией более четкой, выверенной политики в отношении Японии, в том числе и в Центральной Азии. Исходя из долгосрочных геополитических интересов, Россия вновь активизировала свою экономическую деятельность в Центральноазиатском регионе (ЦАР). Наша страна деятельно развивает интеграционный проект ЕАЭС. Российская дипломатия, действуя на центральноазиатском направлении, вынуждена учитывать рост влияния Китая в ЦАР, проявляющийся, в частности, в обострении соперничества отечественных и китайских компаний. В то же время ЦАР стал полем деятельности и других азиатских игроков. Первое место в этом списке уже довольно долго принадлежит Японии.

Сама Центральная Азия важна для укрепления геоэкономических позиций России. Особую значимость ЦАР приобрел в свете «санкционного противостояния» с Западом. Альтернативные интеграционные проекты, строящиеся на принципах «свободной геометрии» международных отношений, представляют собой веский «экономический аргумент» российской дипломатии. По мнению автора, логика развития геоэкономических и геополитических процессов в ЦАР делает Россию и Страну восходящего солнца естественными стратегическими партнерами.

В середине 1980-х годов Хельмут Шмидт, тогда уже бывший канцлер ФРГ, назвал Японию «экономическим гигантом и политическим карликом». Один из наиболее крупных политиков послевоенной Западной Европы, как представляется, имел в виду недостаток воли у правящих кругов Страны

восходящего солнца превратить Японию в одно из главных «гравитационных полей» мировой системы. Распад биполярного мира, геополитическое возвышение Китая, самоутверждение «новых региональных лидеров» – эти и другие обстоятельства побудили официальный Токио пересмотреть свои геополитические установки, в частности, не критическое отношение к действиям США и мотивам поведения Америки, и сформулировать собственное видение мировых и региональных проблем, так или иначе затрагивающих жизненные интересы Японии. В своем внешнеполитическом планировании официальный Токио стремится: 1) учитывать общие тенденции геополитического мышления в ведущих государствах мира; 2) решать по-своему, по-японски текущие и перспективные задачи, вытекающие из динамичной перегруппировки геополитических сил в центральной части Евразии. Думается, ЦАР видится правящим кругам Японии идеальным пространством апробации своих новых геополитических концепций.

Уже в конце 1980-х годов, когда силы, скреплявшие Советский Союз, обнаружили явную тенденцию к необратимому истощению, в западной исторической и политической мысли возникло устойчивое представление о «центральности» тогдашней советской Средней Азии, опиравшееся на 1) исключительную благоприятность географического положения ЦАР в Евразии (возрождение идеи «Великого шелкового пути»); 2) наличие значительной (имеющей международное значение) минерально-сырьевой базы, включая энергоносители (ретроспективный анализ показывает: запасы минеральных ресурсов в регионе оказались несколько преувеличенными).

При анализе поведения Японии в странах ЦАР необходимо учитывать фактор «третьей силы»; иными словами, непрекращающееся соперничество Токио и Пекина, которое, помимо Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, начинает вовлекать в свой «круговорот» и другие регионы, включая Центральную Азию.

Можно утверждать: после распада СССР на постсоветском пространстве Япония действовала осмотрительно и осторожно, тогда как в 1990-е годы наибольшую активность в Центральной Азии проявляли США, КНР и Индия. Однако впоследствии, уже в 2000-е годы, Япония невольно (поскольку страна сознательно дистанцировалась от «цветных революций» в регионе) оказалась в роли «надежного» партнера государств Центральной Азии. Видимо, активность Японии стимулировалась «изнутри» ЦАР: рост китайских инвестиций и опасение элит центральноазиатских стран активной деятельности соседней страны-гиганта порождали желание «сбалансировать» влияние Поднебесной за счет постоянного диалога не только с Россией и Индией, но и со Страной восходящего солнца. Поэтому выглядит логичной обозначившаяся с начала 2000-х годов линия Токио, гибко сочетающая многосторонние форматы отношений в регионе ЦАР с двусторонними связями, учитывающими своеобычные историко-культурного опыта отдельных центральноазиатских стран и особенности их взаимодействия друг с другом. «Руководство Японии, – полагает специалист-международник Я.О. Захарьев, – прекрасно понимает, что в ближайшие десятилетия регион будет находиться под мощным влиянием китайских и российских интересов. ...Токио планирует укрепиться в старых нишах [экономики] и активно ищет новые пути для диалога в ЦА. Японским компаниям за период 1993 – 2016 годов удалось профинансировать более 120 программ регионального партнерства между Токио и каждой страной региона»¹. Важно помнить: Япония, безусловно, координирует свой курс в ЦАР с США, однако опасения относительно «чувствительной» реакции Китая заставляют японцев проводить взвешенную политику.

Эксперты отмечают: Япония – надежный партнер для государств ЦАР; отношения Японии и центральноазиатских республик осуществляются по более логичной схеме, нежели связи Китай – ЦАР, обремененные нередко пересматриваемыми время от времени договорами, изменением условий

---

¹ <https://creativeconomy.ru/lib/37965>

сделок и т.п. В сущности экономические отношения со странами ЦАР для Японии представляют и своеобразную «мягкую силу», поскольку положительно влияют на образ Страны восходящего солнца в регионе. Особо заинтересована Япония в углеводородах Туркменистана. Местные власти рассчитывают, что в недалеком будущем общий объем японских инвестиций в Туркменистане достигнет 18 млрд долл.² Однако пока подобные заявления выглядят гипотетично.

Все больший интерес у японских правящих кругов и экономической элиты вызывает Узбекистан. К уже имеющимся совместным проектам по переработке урана, в железнодорожном транспорте, горном деле, автомобилестроении, телекоммуникациях, электронике, текстильной промышленности добавились начинания в сфере энергетики. Японские компании, как полагают в Ташкенте, готовы инвестировать в разработку новых газовых месторождений³. Наконец, Росатом может вступить в конкуренцию с Toshiba (владеющей американской корпорацией Westinghouse) за строительство АЭС в Казахстане. Либо в республике будут две АЭС, построенные соответственно по российской и японской технологиям.

Токио, как отмечают эксперты, включился в реализацию газотранспортного проекта ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия), а это – очевидная неудача для Китая, который рассчитывал на исключительные права в разработке месторождения «Галкыныш». Заметно, что во внешнеполитической стратегии Японии в ЦАР центральная роль принадлежит Туркменистану, Казахстану и Узбекистану, тогда как Таджикистан и Киргизия образуют своеобразную «периферию» пространства интересов Страны восходящего солнца. Политическое присутствие в Центральной Азии необходимо Японии для: 1) геополитического «балансирования» Китая и 2) повышения своего статуса «державы

---

² rusplt.ru/world/rossiya-teryayet-soyuznikov-v-asii-19452.html

³ russians Kz.info/politics/7387/ tokio-zadel-interesy-pekina-v-centrflnoy-asii-yaponiya-vklyuchaetsa-v-borbu-zavliyanie-v-regione.html

критической массы» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Утверждения же о реализации Японией геополитических интересов США в Центральной Азии носят, на взгляд автора, излишне прямолинейный характер и не фундированы «документально».

Если попытаться сформулировать целостное видение политики Японии в регионе Центральной Азии, то выделяются следующие стратегические/долгосрочные направления. Во-первых, укрепление своих политических позиций в ЦАР с учетом стремления элит центральноазиатских государств максимально усложнить «уравнение геополитических сил» в регионе. Расширение состава «ансамбля» участников политических процессов в ЦАР (Россия, Китай, Индия, Иран, скованные в своих действиях латентной гражданской войной в Афганистане США, Пакистан – потенциально) за счет Японии представляет элитам Туркменистана, Узбекистана, Казахстана, а также Киргизии и Таджикистана, определенную свободу маневра в отношениях с «великими державами» и теоретически снижает риски деструктивных действий извне, например, угрозу «цветных революций».

Во-вторых, заинтересованность Японии в странах ЦАР как в потенциальных участниках *транспортной революции* в Евразии по модели, исключающей доминирование в данном процессе какой-либо одной страны (в настоящее время – Китая).

В-третьих, содействие *экономическому развитию* (т.е. экономическому росту, сопряженному с максимальной занятостью и относительно равномерным распределением национального дохода), фундаменту «работоспособных» политических институтов и *секуляристской* формы государственности. Поэтому можно, хотя и с оговорками, согласиться с мнением Д.В. Зеркалова: «Именно в Центральной Азии, благодаря ее уникальному геополитическому расположению на стыке многих регионов, в самом центре Евразийского континента, деятельность Японии приобрела особенное значение в XXI в., которое будет определять ее положение не

только в системе японо-американских отношений, в АТР и Центральной Азии, но и в мире в целом»⁴.

Общая стратегия Японии в Центральной Азии насыщена нюансами, которые придают политике Токио в ЦАР черты, позволяющие говорить о своеобразной «большой игре», которая разворачивается в Евразии между второй и третьей экономиками мира. С одной стороны, Япония не может «фанатично» и зеркально отвечать на каждую геоэкономическую инициативу Поднебесной в Азии. В самом деле, Страна восходящего солнца не располагает «лишними» 240 млрд долларов на инфраструктурные проекты, включая модернизацию портов и строительство судоходных каналов, в рамках китайского проекта «Один пояс – один путь». Тем не менее Токио своими действиями всячески демонстрирует присутствие в Центральной Азии, стимулируя в регионе развитие добывающей и обрабатывающей промышленности. Одновременно японские фирмы успешно модернизируют порты и портовые сооружения в Бангладеш, демонстрируя тем самым способность *асимметрично* отвечать на геоэкономический «активизм» Китая в Центральной Азии, становясь тем самым значимым игроком в регионе ЦАР. Такого рода стратегическая линия связывается аналитиками с деятельностью нынешнего премьера Японии С.Абэ⁵.

Видимо, частью «большой игры» Японии и Китая в Евразии станет политика транспортировки нефти и газа из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана к побережью Японского моря. Японские эксперты-энергетики отмечают: если в будущем и будет создана трубопроводная система для транспортировки нефти и газа в Страну восходящего солнца, то маршрут из Центральной Азии будет проложен не через Иран, Пакистан или Китай; энергоносители пойдут по сибирскому «тракту». При этом «сложные» («uneasy») политические отношения между двумя странами не повлияют на тонус экономических отношений Токио с Москвой⁶.

---

⁴ <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/politika-yaponii-tsentralnoy-24748.html>

⁵ <https://thediplomat.com/2015/107/japans-strategy-for-central-asia/>

⁶ <https://www.files.ethz.ch/isn/145121/>

Важное значение для политики Японии в ЦАР имеет, если так можно выразиться, ее культурно-психологический контекст; иными словами, отношение обществ стран Центральной Азии к Стране восходящего солнца, а равно и к целям ее политики в регионе. Так, данные социологического опроса, проведенного по заказу Министерства иностранных дел Японии в Узбекистане, Казахстане, Киргизии и Таджикистане, выявили следующие тенденции (декабрь 2015 – январь 2016 гг.).

Во-первых, благожелательно к Стране восходящего солнца относятся 89% респондентов.

Во-вторых, Япония (что естественно) пока отстает по значимости (25%) от других партнеров центральноазиатских государств: России (75%) и Китая (49%).

В-третьих, Япония (63%) отстает только от России как «надежный партнер» центральноазиатских государств (данные в процентах по России в материалах обзора не приводятся).

В-четвертых, 75% респондентов положительно оценивают взвешенный характер внешнеполитического курса Японии.

В-пятых, Япония рассматривается респондентами как «страна с сильной экономикой и развитой технологической основой хозяйства» (63%), тогда как 35% опрошенных считают Страну восходящего солнца «обществом великой традиции и культуры»⁷.

Центральноазиатские элиты сознают: Япония не преследует цель «бросить вызов» влиянию Китая и/или России в их регионе. Тем не менее Япония рассматривается властями государств ЦАР как «полезный дополнительный участник» социально-экономических и политических процессов в регионе, способный и усложнить «уравнение» геополитических сил в Центральной Азии, и помочь новым независимым государствам выйти на траекторию устойчивого экономического роста. Можно сказать, что Япония упорно отвоевывает для себя важные инвестиционные ниши в

---

⁷ www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001111.html

экономиках стран ЦАР, тем самым строя *коридоры роста и регионального сотрудничества*.

Развитие событий в Центральной Азии в последние два-три года позволяет предположить: в данном регионе формируется своеобразный геополитический «треугольник» Москва – Пекин – Токио, функции которого пока не «отработаны» и роли для «действующих лиц» все еще не «написаны» и не распределены. Подобная неопределенность в конечном счете вытекает из отсутствия ясных представлений, прежде всего в официальном Токио, о той роли, которая будет уготована Центральной Азии в общей стратегической линии внешней политики Японии в годы новой премьер-министерской «легислатуры» Синдзо Абэ. Иначе говоря, общая цель («Япония – мировая держава») сформулирована, тогда как средства («инструменты») ее достижения пока не изготовлены. Целесообразно напомнить: Страна восходящего солнца 70 лет вынужденно пребывала в состоянии всеобъемлющей «неоколониальной» зависимости, в то время как внешнеполитический курс С. Абэ («стратегическая автономия») в качестве основного предварительного условия предполагает *независимый образ политического мышления*. Неудивительно поэтому, что «корабль» японской внешней политики движется неспешно, порой «наощупь», постепенно отвоевывая для себя новые важные пространства.

Хорошо известно, что главным полем японо-китайской «большой игры» остается пространство АСЕАН. Двумя другими зонами «большого соперничества» остаются Дальний Восток и Центральная Азия. И если на дальневосточном дипломатическом театре пока «без перемен» (отсутствие концептуального сдвига в российско-японских отношениях), то в Центральноазиатском регионе японская дипломатия в последние 10 – 12 лет получила значительную свободу политического маневра. И эта свобода, как представляется, в значительной мере связана с естественно существующими между различными региональными и внерегиональными «игроками»

(государствами) противоречиями относительно движущих сил и «бенефициаров» грядущей транспортной революции в Евразии.

Информированные источники в этой связи сообщают, что во внешнеполитической стратегии Японии перспективные инвестиции в развитие инфраструктуры российского Дальнего Востока тесно сопряжены с интересами Казахстана и других государств ЦАР. Ставшая более «пластичной» позиция Японии по заключению мирного договора с Россией, как отмечается, преследует цель лишить Китай надежного геополитического тыла в сложных отношениях со Страной восходящего солнца. Сходной тактической линии Токио придерживается в отношениях с центральноазиатскими элитами, опасаясь Китая, словно нависающего всей своей экономической и военной мощью (не говоря уже о демографическом потенциале) над бывшими советскими республиками Средней Азии.

Расширение аэропорта «Хабаровск», другие инвестиционные проекты (включая сферу энергетики) на Дальнем Востоке призваны продемонстрировать внешнему миру (и прежде всего Китаю): 1) зримое присутствие Японии на пространстве от Ашхабада до Владивостока и 2) активное участие в транспортных проектах в Евразии (т.е. диверсификацию источников получения энергоносителей), тем самым сознательно отделяя сложную политическую проблематику («территориальное размежевание» с Россией) от внешнеэкономических связей, выступающих в данном случае в ипостаси геостратегического «балансирования» Китая: как в Центральной Азии, так и Сибири и на Дальнем Востоке. Возможное инвестиционное участие японских фирм в модернизации Транссибирской магистрали облегчит доступ Стране восходящего солнца в Центральную Азию, станет эффективным балансиrom инициатив – проектов «Шелкового пути» и в конечном счете сделает Токио весомым участником продолжающейся (хотя и в новом составе) геополитической «большой игры» в Евразии⁸.

---

⁸ Globalriskincights.com/2016/11/japan-faces-russia-pathcentral-asia/

О готовности Токио участвовать в «большой игре» в Евразии свидетельствует также возросший интерес японских горнорудных компаний к минеральным ресурсам Казахстана (в т.ч. редким металлам): освоение богатых не только редкоземельными элементами месторождений в районах Караганды и Кустаная (с последующей их транспортировкой в Японию в обход Китая) укрепит и договорные позиции политического руководства в Астане, в частности, на переговорах с КНР по другим проблемам.

Дипломатия С.Абэ нередко характеризуется как «преимущественно экономическая». Подобный подход к столь сложной проблематике представляется излишне прямолинейным. Тем не менее у японского премьера есть мощный финансовый аргумент в пользу эконом-ориентации внешней политики. На счетах граждан Японии в национальных банках страны содержатся финансовые ресурсы, эквивалентные 17 трлн долларов. Хотя бы частичная «конвертация» этих ресурсов в прямые японские инвестиции поможет Стране восходящего солнца решить те геополитические проблемы и задачи, которые накапливались в течение последних семи десятилетий. Инвестиционную емкость «традиционных» регионов деятельности Японии (Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, Австралия, США, некоторые страны ЕС) едва ли удастся увеличить, поскольку они, в основном, достигли естественного предела насыщения. Инвестиционные рынки Африки отличает непостоянство, частично связанное с переменчивостью внутривнутриполитической ситуации в странах континента. Важным стратегическим и инвестиционным партнером остается Индия. Здесь японские прямые инвестиции к 2020 г., как полагают, достигнут 35 – 40 млрд долларов.

Центральноазиатский регион, через транссибирский коридор, становится и выгодным, и относительно безопасным пространством для японских инвестиций. Тем более что «дипломатия Абэ» попутно решает важнейшие, экзистенциальные для Японии задачи: включения в «большую игру», активное участие в транспортной революции в Евразии и

асимметричный ответ на воображаемые или реальные угрозы со стороны третьих стран. Таким образом, происходит естественное и объективное складывание неформального геополитического «треугольника» Россия – Япония – Центральная Азия. Можно предположить: наше взаимодействие в ЦАР может в определенной степени снизить остроту восприятия «проблемы северных территорий» в японском общественном сознании.

***

И Россия, и Япония заинтересованы в: 1) отсутствии доминирующей *внешней силы* в Центральной Азии; 2) укреплении *политэкономических основ светской/секуляристской* государственности и институтов политического представительства в странах Центральной Азии; 3) эффективном противодействии силам радикального политического ислама и международного терроризма в ЦАР. Иными словами, Москва и Токио, реализуя собственные геополитические стратегии, объективно (т.е. вне зависимости от характера их двусторонних отношений) заинтересованы в успешной деятельности партнера в Центральной Азии.

Исходя из вышесказанного, стоит выделить несколько стратегий для выстраивания долгосрочной политики России в Центральной Азии с учетом интересов Японии в данном регионе.

1. России следовало бы поощрять внешнеэкономическую деятельность Японии в Центральной Азии за счет создания *трехсторонних* промышленных и транспортных проектов – там и тогда, где и когда существует общее согласие для совместной деятельности.

2. Видимо, стоило бы вернуться к идее совместной модернизации и совместной эксплуатации Транссибирской магистрали, которая значительно облегчит выход Японии в Центральную Азию и страны Западной Европы.

3. Целесообразно подробнее ознакомиться с идеями правящих кругов Японии относительно транспортной революции в Евразии и, в случае совпадения базовых представлений сторон, сформировать совместное

видение развития средств сообщения (включая трубопроводные системы), не обязательно совпадающие с концепцией «Шелкового пути».